Тэн Цзыцзин снова приехал с письмом от бо Сынань Фань Цзяня, который сильно беспокоился. Похоже, при дворе случилось что-то, отчего он запереживал, но, судя по содержимому письма, старшая принцесса не имела к этому никакого отношения. Фань Сянь нахмурился и подумал: «Что же такое случилось?» Когда он вскрыл письмо от Ван Циняня и сопоставил содержимое двух писем, то всё сразу прояснилось.

«Стать посредником в государственных делах и выполнить поручение для Контрольной палаты, сколько же на это потребуется времени?» Глядя в ночное снежное небо, Фань Сянь с горькой улыбкой покачал головой.

Он знал, что в итоге ему как заместителю посла придётся отправится с миссией в Северную Ци. С одной стороны, он сам натворил дел на пиру, проявив слишком яркий талант, и теперь хотел скрыться на горе Цаншань, чтобы всё улеглось.

С другой стороны, он ни разу не встречался с Чэнь Пинпинем, с этим близким соратником матери, который, очевидно, желал передать ему в будущем своё место главы Контрольной палаты, что также подтвердил Фэй Цзе. А заведовать Контрольной палатой будет даже посложнее, чем выполнять обязанности премьер-министра. Несколько тысяч тайных агентов Контрольной палаты вовсе не затрепещут перед его происхождением или от незначительной славы.

Контрольная палата не похожа на простые шесть министерств. Человек без нужных качеств и навыков недолго удержится во главе и не сможет контролировать работу палаты весь свой век, а на этот орган власти император опирается больше всего и больше всего нуждается в стабильности и надёжности его работы. Поэтому, если ему удастся выполнить поручение Чэнь Пинпина и вызволить и вернуть на родину Янь Бинъюня, то он сможет получить расположение Янь Жохая. К тому же после возвращения на родину этот Янь Бинъюнь наверняка резко продвинется по служебной лестнице, прибавить сюда тайные приготовления Фэй Цзе и Чэнь Пинпина, и Фань Сянь наверняка получит поддержку половины руководителей отделов палаты.

Но проблема в том, что о плане его отца, Фань Цзяня, чтобы он спокойно получил в распоряжение внутреннюю сокровищницу и просто жил богатой жизнью, после этого придётся забыть.

Последнее слово в том, чей замысел в итоге осуществится, было даже не за Фань Сянем, а за императором. Подумав о нём, Фань Сянь ещё больше нахмурился: если всё сложится так, что он постепенно примет на себя руководство Контрольной палатой, то, возможно, это только подтвердит одну его пугающую догадку.

Как бы заманчиво ни выглядела возможность отправиться послом в Северную Ци, Фань Сянь хорошо понимал, что это лишь обманчивый блеск. Хотя сейчас он и не мог знать самую опасную часть замысла Контрольной палаты, но он догадывался, что эта поездка наверняка не из простых.

За окном метель, а из дальнего конца длинной крытой галереи доносился едва слышный

весёлый смех, и яркий алый свет огня сиял оттуда, согревая сердца всех тех, кто видел и слышал это в такую снежную ночь.

Фань Сянь положил два письма между ладоней и, не моргнув и глазом, превратил бумагу в пепел, а потом открыл окно и выбросил на снег. Мелкий снег и раскрошенный в пыль пепел перемешались так, что никто не смог бы ничего найти. Ночной холодный ветер ворвался в комнату.

Свеча в комнате замерцала, а потом засияла ещё сильнее.

— Скорее закрой окно, такой холод, — бедняга Вань’эр, давно улёгшаяся спать, высунула из-под одеяла лишь верхнюю часть лица и очень выразительно глянула на Фань Сяня: — Скорее иди спать, что бы они ни вытворяли, мой брат довольно послушный, тебе не нужно беспокоиться.

Фань Сянь с лёгкой улыбкой подошёл к кровати и присел, он привычно запустил руку под одеяло и погладил полную грудь жены, при этом продолжая разговор:

— Дабао, конечно, послушный, но ты разве не знаешь моего братца? Неизвестно, вдруг завтра ему придёт в голову снова взять Дабао в горы и пойти охотиться на медведя.

Со свадьбы прошло уже много времени, но Линь Вань’эр никак не могла привыкнуть, что Фань Сянь мог в любой миг, как только ему захочется, распускать руки. С покрасневшим лицом и с невинным взглядом она перехватила руку, протянувшуюся к её груди, и сказала:

— Ты снова за своё.

— Жена ночью зовёт в постель, разве можно иначе? — рассмеялся Фань Сянь и сделал движение обратной стороной ладони. Светильник тут же погас, и двое остались в комнате наедине в ночной тиши. Послышался шорох снимаемой одежды, Фань Сянь остался лишь в нижнем бельё и скользнул под одеяло. Линь Вань’эр почувствовала проникший вместе с ним ночной холод и, не сдержавшись, отчитала его:

— Каждый день так поздно ложишься, и чего только ты делаешь, сидя вечером за столом?

— Это что, девичьи обиды? — подшутил Фань Сянь над женой.

Вань’эр не было ещё и двадцати, в его прошлом мире в таком возрасте девушки всё ещё находились под пристальной опекой любящих родителей, а она уже стала его женой, каждую ночь он жадно требовал её тела, и кто знает, сможет ли она такое выдержать. Однако, думая об этом, он не заметил, как положил руку Вань’эр на грудь и начал наминать. Ощущение округлой мягкой плоти под тонким гладким шёлком доставляло ему невероятное удовольствие.

Линь Вань’эр застонала и подалась навстречу его объятиям.

Фань Сянь склонил голову и накрыл её пухлые губы своим жадным ртом, их тела медленно сплелись воедино, в комнате внезапно стало жарко, а кожа стала обжигающей…

***

Тучи рассеялись, дождь прекратился, туман развеялся. Цветок раскрывает и закрывает лепестки — всему своё время.

А за окном всё ещё продолжалась снежная буря. Под мягким одеялом было тепло, как весной. Обессиленная Вань’эр смущённо опустила голову и прильнула в объятия к Фань Сяню, который с любовью посмотрел на свою жену, не удержался и погладил пальцем её губы, по непонятной причине вдруг вспомнив, как при первой встрече она ела куриную ножку.

— У тебя… руки испачканные, — отвернула голову, одновременно смутившись и рассердившись, Вань’эр.

Фань Сянь нежно улыбнулся:

— Да где же они испачканные? У нашей Вань’эр все места на теле чистые.

Линь Вань’эр больше всего боялась, что муж скажет что-то ещё более смущающее, поэтому быстро сменила тему:

— Так ты поедешь в Северную Ци или нет?

Фань Сянь поплотнее прижал её к себе и задал встречный вопрос:

— Ты согласна провести со мной всю жизнь?

— А?

В темноте было не разглядеть выражения её лица, но наверняка она очень обеспокоилась таким вопросом мужа. Разве можно было в этом мире, выйдя замуж, повернуть назад на полпути. Сердясь и беспокоясь, она ответила:

— Муж мой, ты зачем спрашиваешь о таком?

Тут Фань Сянь понял, что спросил что-то неуместное, поэтому поспешил с горькой улыбкой оправдаться:

— Я просто так к слову спросил.

Но на самом деле это были привычки из прошлой жизни: хотя Вань’эр и прошла вместе с ним официальный обряд бракосочетания, но кое-какие вещи ему бы хотелось услышать из её собственных уст.

— Просто так спросил? — Вань’эр, наполовину поверив, но наполовину в сомнениях, слабым голосом сказала: — Муженёк думает про Сысы?

Только после этих слов Фань Сянь вспомнил про специально оставленную им в столичном имении Сысы. Тэн Цзыцзин говорил, что ей там неплохо живётся, но бабуля заварила эту кашу, и ему нужно было бы поскорее разобраться с этим делом.

Он успокоил Вань’эр, сказав:

— Да откуда у меня желание думать об этом, просто если мы с тобой теперь связаны на всю жизнь, нужно строить долгосрочные планы. К тому же ты и сама знаешь, что я не нравлюсь твоей матери.

Такие слова были в новинку и вызывали интерес. Как только Вань’эр услышала фразу о связи на всю жизнь, у неё на сердце сразу стало тепло. Довольная Вань’эр тихо ответила:

— Раз я вышла за тебя, разве может быть иначе?

На этом и всё. Во тьме слегка изогнув губы в нежнейшей улыбке, Фань Сянь еле слышно сказал:

— В столице высокопоставленные господа разыграли партию в мацзян, не знаю, удастся ли твоему мужу победить в этой партии.

С лёгкой улыбкой Вань’эр ответила:

— В тайных делах ночного головореза ты, конечно, лучше, чем я. Но в тайных играх при дворе я разбираюсь лучше тебя.

Это были переиначенные слова Фань Сяня, заставившие Чжуан Моханя закашляться кровью и уже давно разлетевшиеся по столице.

***

Пока за окном кружила метель, не сумевшая заснуть Фань Жожо, осторожно держась

подальше от каменистого обрыва, с зонтом в руках и с едва заметной улыбкой смотрела в ночную даль. На сердце она ощущала лёгкую пустоту: старший брат, которого она уважала больше всех на свете, уже женился, а где же лежит её будущее? Старший брат посоветовал ей брать пример с Сычжэ и найти для себя что-то, на что хотелось бы потратить всю жизнь. Может быть, отношения, а может, поэзию и живопись, но сама она так и не могла разобраться, чего бы ей хотелось в жизни.

Снег падал на её зонт, и стук снежинок отдавался у неё в сердце.

У Чжу с извечной чёрной повязкой на глазах беззвучно подошёл к ней. Вдруг рядом с её ухом раздался его безэмоциональный голос:

— Ты умеешь хранить секреты?

***

На следующий день рано утром Фань Сянь вернулся с тренировки и с удивлением обнаружил, что укутанный в лисью накидку Дабао с довольным видом смотрит на горную кручу внизу поместья. Фань Сянь испугался, что он, засмотревшись, неосторожно споткнётся и упадёт, поэтому он тут же подошёл и тихо спросил:

— Дабао, что ты там рассматриваешь?

Дабао глупо улыбнулся и указал пальцем:

— Сяньсянь, там белоснежная птица.

Далеко в горах, скрытые в белом тумане, действительно согнули шеи в поисках пищи несколько белых журавлей с чёрными головами и хвостами. Вдруг, запрокинув головы, они протяжно закурлыкали, распахнули крылья и затанцевали, это выглядело необычайно чарующе.

Фань Сянь замер, подумав, как в такую холодную зиму на горе Цаншань всё ещё остались журавли, неужели где-то здесь есть тёплые источники? Журавли свободолюбивы и не терпят принуждения, поэтому их танец был вольным и свободным. У Фань Сяня вырвался восхищённый вздох, и он ощутил, как настроение улучшилось.

— Дабао, тебе нравятся эти птицы?

— Не нравятся.

Фань Сянь удивился и с улыбкой спросил:

— Почему же? Неужели их танец некрасив?

Полные губы Дабао зашевелились, и он ответил:

— Они всё время прыгают, это так утомительно, смотреть одно беспокойство.

Фань Сянь рассмеялся и похлопал шурина по полному плечу. По непонятной причине после переезда в столицу, те три раза, когда он разговаривал с Дабао, он чувствовал себя расслабленнее всего, возможно потому, что Дабао действительно больше походил на ребёнка, поэтому не нужно было ни о чём беспокоиться.

Танец удивителен, правда утомителен.

— Дабао, как тебе здесь, понравилось играть?

Дабао явно слегка расстроился, похоже, он не знал, как нужно ответить на этот вопрос, но он всё равно постарался высказаться как можно яснее:

— Довольно… довольно… хорошо, когда играли в мацзян, толстячок рассердился, довольно… смешно.

Фань Сянь рассмеялся. Глядя вниз на покрытый снегом лес на склоне, туман вдали, белых журавлей в тумане, он зачарованно замолчал.

(Конец третьего тома «Снег на горе Цаншань»).

http://tl.rulate.ru/book/96718/2286335